

УДК: 81

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-93-101

ПОДСИСТЕМА ШИПЯЩИХ В КОСТРОМСКИХ И ПОШЕХОНСКИХ ГОВОРАХ НАЧАЛА XVII В. И ЕЁ ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ

Шатин В. Ю.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотрение подсистем шипящих согласных костромских и пошехонских говоров начала XVII в., а также их сравнение с ситуацией в современных севернорусских говорах на рассматриваемой территории (Кострома – Солигалич – Пошехонье – Ярославль).

Процедура и методы. Исследование Костромской отказной книги 1619–1634 гг. и Пошехонской отказной книги 1615–1650, 1653 гг. и сравнение полученных результатов с данными, представленными в Дialeктологическом атласе русского языка (ДАРЯ).

Результаты. Подсистемы шипящих в севернорусских костромских и пошехонских говорах, как оказалось, развивались каждая по-своему: костромской вариант развития с более ранним отвердением реализаций краткого <ш> привёл к расхождению в развитии долгих (сложных) шипящих и большей асимметрии рассматриваемой подсистемы, а относительно синхронное отвердение кратких шипящих в пошехонских говорах могло способствовать синхронности и параллелизму развития долгих (сложных) шипящих.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается во введении в научный оборот ранее не исследованного материала, который может быть использован в преподавании историко-лингвистических дисциплин.

Ключевые слова: историческая диалектология русского языка, историческая фонетика русского языка, костромские говоры, пошехонские говоры, русская деловая письменность, севернорусские говоры

SUBSYSTEM OF APICAL POSTALVEOLAR SIBILANT PHONEMES IN KOSTROMA AND POSHEKHONYE DIALECTS OF THE EARLY 17TH CENTURY AND ITS FURTHER DEVELOPMENT

V. Shatin

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. We consider the subsystems of apical postalveolar sibilant consonants in Kostroma and Poshekhonye dialects of the early 17th century and compare them with a situation in modern Northern Russian dialects in the territory under consideration (Kostroma – Soligalich – Poshekhonye – Yaroslavl).

Methodology. An assessment is presented of both Kostroma Registry book of 1619–1634 and Poshekhonye Registry book of 1615–1650 and 1653 and the results of this assessment are compared with the data presented in a Dialectological Atlas of the Russian Language.

Results. The subsystems of sibilants in North Russian Kostroma and Poshekhonye dialects, as it turned out, developed separately. A Kostroma way with an earlier velarization of short phoneme /s/ realizations led to a divergence in long (complex) sibilants development and to a greater asymmetry of the considered subsystem. Relatively synchronous velarization of both short sibilants in Poshekhonye dialects could contribute to the synchronism and parallelism of the long (complex) sibilants development in the Poshekhonye system.

Research implications. An introduction into scientific circulation of previously unexplored material can be used in teaching historical and linguistic disciplines.

Keywords: historical dialectology of the Russian language, historical phonetics of the Russian language, Kostroma dialects, Poshekhonye dialects, Russian business style documents, Northern Russian dialects

Введение

Рассмотрение вопроса о шипящих согласных делится на две взаимосвязанные части: судьба фонем <ш> и <ж> и судьба долгих (или сложных) шипящих фонем. В обоих случаях мы будем двигаться от обнаруженных в рукописях примеров к данным современной диалектологии.

Материалом исследования послужили Костромская отказная книга 1619–1634 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11086. Исследованы лл. 1–948 об. Далее – **Костр.**) и Пошехонская отказная книга 1615–1650, 1653 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 12540. Исследованы лл. 1–438 об. Далее – **Пош.**).

Для начала рассмотрим имевшиеся у писцов возможности отражения мягкости шипящих или же их отвердения, а также решим, какой из возможных трактовок обнаруженных написаний мы будем придерживаться.

С. И. Котков полагал, что сочетания **жя**, **жю** и **شيا**, **шю** отражают мягкость реализаций фонем <ж> и <ш> и имеют фонетическое значение. За написаниями **жа**, **жу** и **ша**, **шу** он фонетической значимости не признавал, т. к. они использовались в ту эпоху, когда мягкость шипящих была сплошной. Неоспоримо свидетельствующими о твёрдом характере шипящих С. И. Котков считал сочетания **жы** и **шы**, а написаний с буквами **ъ** и **ь** не рассматривал вовсе, т. к. придерживался следующей точки зрения: в скорописи XVI–XVII вв. у букв **ъ** и **ь** были совпадающие графические варианты [5, с. 105–107]. Последнее замечание имеет значение также и для нас:

в дальнейшем при приведении примеров мы в случае невозможности уверенной идентификации буквы будем использовать символ **h**.

Следует отметить, что и Л. Ф. Копосов, исследовавший севернорусскую деловую письменность, считает написания **шю**, **شيا**, **жю** и **жя** отражающими реликтовую мягкость [4, с. 114–115].

Г. А. Хабургаев, отчасти полемизируя с С. И. Котковым, приписывал фонетическую значимость лишь написаниям **жы** и **шы**, тогда как сочетания **жя**, **жю**, **شيا**, **шю** считал традиционными и ни о чём не свидетельствующими [7, с. 175].

Мы склонны принять точку зрения С. И. Коткова, и, таким образом, интересоваться нас будут и написания, отражающие реликтовую мягкость (**шю**, **شيا**, **жю** и **жя**), и написания, безоговорочно свидетельствующие об отвердении (**шы** и **жы**). Однако последние по причине их нетрадиционности будут при трактовке обнаруженных примеров иметь больший вес.

О качестве долгих (сложных) шипящих выводы можно делать на основании следующих написаний: для глухого коррелята диагностическими являются сочетания **щя**, **щю** и **щы**, замены **щ** на **шш** и взаимная мена в паре **ш** – **щ**; для звонкого, в свою очередь, существенны написания с сочетаниями **зжя**, **зжю**, **зжя**, **зжю**, **зжы**, **зжы** и с буквой **ж** на месте долгого звонкого шипящего (если удалось установить качество краткого звонкого шипящего), а также написания с сочетаниями **жд** и **ждж** [2, с. 224].

Краткие шипящие в костромских говорах начала XVII в.

Обратимся к примерам, обнаруженным в **Костр.**

В исследованной рукописи нам встретилось лишь одно написание, свидетельствующее о твёрдости <ж>: *приложы*¹ 213.

Написания, указывающие на мягкость <ж>: *жжюребем*¹ instr. sg. 598; *жюко*^в nom. sg. 138; *жюкь* nom. sg. 144 об.; *жюлебина* gen. sg. 308 об.; *жябина* gen. sg. 305 об., 306.

Написания, отражающие твёрдость <ш>: *кашыны*^х gen. pl. 75 об.; *паш^тряш^дшы* gen. sg. 121 х2; *пустошы* gen. sg. 344.

Встретились в **Костр.** и примеры, свидетельствующие о мягкости <ш>: *мишю^тнино* nom. sg. 641 об.; *ошянина* gen. sg. 305 об.; *ошянину* dat. sg. 306, 307 об.; *пустошя^х* loc. pl. 266, 454; *шювалова* gen. sg. 723; *шю^тгино* nom. sg. 148 об.; *шюми^тко* nom. sg. 135 об.; *шюрина* gen. sg. 282 об., 283 об.; *шюхомаскою* loc. sg. п. р. 107 об.; *шюхомъшьскою* loc. sg. 151 об.; *шя^тков'ке* loc. sg. 165; *шяче²* dat. sg. 452 об.; *шяче* loc. sg. 453 об., 454 об.; *шячи* gen. sg. 455; *шячь* loc. sg. 265 об.; *шябиново³* nom. sg. 265 об.

Многие из приведённых примеров особенно показательны, т. к., не имея традиционного орфографического облика, записывались определённо со слуха. Случаи мены **ш** и **щ**, обнаруженные в **Костр.** в небольшом количестве, будут приведены далее.

По данным Диалектологического атласа русского языка⁴, в районе Костромы мягкие и полумягкие реализации рассматриваемых шипящих сейчас представлены шестью небольшими островами, расположенными севернее Костромы, западнее, юго-западнее и южнее Галича и двумя рядом с Солигаличем. Число примеров здесь редко превышает десять, а мягкие шипящие звуки [ш'], [ж'], [ш^х], [з'] представле-

ны преимущественно перед парными мягкими согласными и [j] или перед гласными переднего ряда.

Таким образом, отверждение шипящих в костромских говорах начала XVII в. было очень непоследовательным (примеры с сочетаниями **шы** и **жы** крайне немногочисленны), но уже несомненно началось. Причём глухой коррелят, если судить по несколько большему числу примеров, отражающих его твёрдость, отвердевал, по всей видимости, быстрее.

О том, что в некоторых рукописях при отражении отверждения <ж'> сохранение мягкости <ш'> прослеживается до XVII в., пишет в своей «Истории русского языка» В. В. Колесов⁵. Краткие шипящие в говорах, таким образом, действительно могли отвердевать с разной скоростью.

Краткие шипящие в пошехонских говорах начала XVII в.

Теперь обратимся к примерам, обнаруженным в **Пош.**

Написания, свидетельствующие о твёрдости <ж>: *приложы*¹ п. р. 130, п. р. 130 об.; *ржы* gen. sg. 85.

Единственное написание, отражающее мягкость <ж>: *промежю* 41.

Написания, отражающие твёрдость <ш>: *починокь демешыха* 420; *по полу пустошы* 420 об.; *пустошы* gen. sg. 418 х2, 418 об. х3, 419.

Пример, свидетельствующий о мягкости <ш>, встретился в **Пош.** лишь один: *с щюриномъ* 99. Чистым его назвать нельзя, поскольку на выбор писцом буквы гласного могла повлиять замена **ш** на **щ** и выучка.

Число примеров, отражающих твёрдость реализаций рассматриваемых кратких шипящих фонем, в **Пош.**, несмотря на вдвое меньший объём материала, вдвое больше: пять в **Костр.** против одиннадцати в **Пош.**

В настоящее время в районе Пошехонья мягкие и полумягкие реализации <ш> и

¹ В данном случае следует предполагать лабиализацию и повышение подъёма безударного гласного, что, однако, не мешает усматривать здесь отражение мягкости предшествующего звонкого шипящего.

² Река Шача.

³ Топоним, название пустоши.

⁴ Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. 1. Фонетика / под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986. С. 63.

⁵ Колесов В. В. История русского языка: учебное пособие. М.: Academia, 2005. С. 155.

<ж>, по данным ДАРЯ¹, представлены тремя островами: самый компактный из них (мягкость преимущественно перед гласными переднего ряда) расположен к юго-востоку от города; второй по величине (мягкость преимущественно перед парными мягкими согласными и [j]) лежит к востоку от Пошехонья; третий же (самый крупный, мягкость независимо от позиции, порой более десяти примеров) растянулся по направлению к Вологде.

Можно сделать вывод, что отверждение реализаций <ш> и <ж> в пошехонских говорах начала XVII в. было более последовательным и параллельным, чем в костромских того же времени. Данная тенденция в пошехонских говорах, если сравнить ситуацию с соседней костромской, сохраняется и сегодня.

Долгие (сложные) шипящие

Перейдём к долгим (сложным) шипящим. Р. И. Аванесов писал, что их реализации по говорам могут быть очень разнообразны и являются следствием различных стадий одного процесса, которому подверглись исходные мягкие сочетания [ш'т'ш'] и [ж'д'ж'] (с аффрикатой во второй части), которые в ряде говоров представлены и сейчас. В результате ослабления смычки и последующей её утраты появлялись звуки [ш'ш'] и [ж'ж'], имевшие тенденцию к отверждению и последующему превращению в твёрдые [шш] и [жж]. Данное направление изменения рассматриваемых сочетаний, широко представленное в русских говорах, Р. И. Аванесов называет основным [1, с. 127].

Но имеется также и два побочных пути развития: во-первых, в исходном звуковом комплексе мог ослабляться конечный фрикативный элемент (в ряде говоров он мог и вовсе исчезать), и тогда возникали сочетания типа [ш'т'] и [ж'д'], свойственные, к примеру, некоторым говорам Вологодской области; во-вторых, исходные сочетания могли

отвердевать, и тогда появлялись звуковые комплексы типа [шч] и [ждж] – такая реализация свойственна, например, олонецким и вологодским говорам [1, с. 126–127].

Долгие (сложные) шипящие в костромских говорах начала XVII в.

Число обнаруженных в **Костр.** замен **ш** на **щ** очень велико (здесь и далее речь идёт лишь о примерах в почерках с последовательным различием **ш** и **щ**), поэтому мы приведём далеко не все из них: *бо^лщи^м* instr. sg. 909; *бо^лщое* nom. sg. 908 об.; *е^р-щова* gen. sg. 196 об.; *иващ^ко* nom. sg. 434; *нащ^е* gen. sg. 69 об.; *о^нд^рюща* nom. sg. 126; *нащ^енаго* gen. sg. 804 x4, 806 x2; *нащ^ено^е* gen. sg. 476, 907 об.; *нащ^и* gen. sg. 441; *на^ш-ню* acc. sg. 423 об., 440 об.; *пустоща^х* loc. pl. 129, 825; *ну^стоще^у* gen. pl. 397 об., 906, 937; *пустощи* gen. sg. 75, 441, 855; *пустощи* loc. sg. 441 об.; *тутощ^иними* instr. pl. 436 о.; *ще^здеся^т* nom. sg. 441; *щест^ь* nom. sg. 397, 413 об., 470; *ще^стьнаца^т* acc. sg. 786 об.; *ще^стьнаце^т* nom. sg. 396; *щуми^лка* nom. sg. 217; *щурино^м* instr. sg. 896 и др.

Но в **Костр.** имеются также и многочисленные обратные замены **щ** на **ш**: *ем^шшиково* nom. sg. так в ркп. «ямшиково» 920 об.; *заими^ш* gen. pl. 349; *заимише* nom. sg. 824 об.; *о^тмкаши^к* nom. sg. п. р. 290; *пом^тшико^в* nom. sg. 941 об. x2; *пом^тшиково* nom. sg. 940 об.; *пом^тшиковы* gen. sg. 941 об.; *прикаши^к* nom. sg. п. р. 118, п. р. 835–837; *при\каши^к* nom. sg. п. р. 80–81; *прикаш^ь* nom. sg. п. р. 471; *про^звише* nom. sg. 831; *ро^зде^лши^к* nom. sg. п. р. 896–898; *сели^ш* gen. pl. 801, 909 об. и др.

Взаимная мена в паре **ш** – **щ** свидетельствует о близости в произношении нормального краткого и, по всей видимости, долгого шипящего.

Имеется также и ещё один тип буквенных замен, обнаруженных в **Костр.** и указывающих на долгий характер шипящих.

Замены **щ** на **шш**: *пом^шшиковы* gen. sg. 755 об.

Замены **щ** на **шщ**: *колоди^шще* nom. sg. 423; *на^шще^наго* gen. sg. 805; *прика^шши^к* nom. sg. 429, 768 об.; *прика^ш-*

¹ Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. 1. Фонетика / под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986. С. 63.

щикъ ном. sg. 865 об.; *пусто^шщи^ш* асс. pl. 782 об.; *ро^шщи* gen. sg. 467, 472; *усади^шщу* dat. sg. 100, 804 x2, 804 об.; *усади^шще* асс. sg. 806; *хмели^шцава* ном. sg. 470 об.

Замены **щ** на **шш**: *паи^ше^шнага* gen. sg. 805.

Но в **Костр.** встретилось также и небольшое число замен, которые можно трактовать как отражение сложного глухого шипящего.

Замены **щ** на **шч** (здесь мы наблюдаем также мену в паре **ш-щ**): *ро^шчи* gen. sg. 291 об.

Замены **щ** на **щч**: *ро^шчи* ном. pl. 292 об.

Появившийся в результате ассимиляции звуковой комплекс [ш'ч'] можно предполагать в следующем примере: *ще^шве^ртию* instr. sg. 100 об. Здесь, однако, могло произойти и упрощение исходного кластера: [сч'] → [ш'ч'] → [ш'ш']. Данное написание, таким образом, нельзя считать безоговорочно свидетельствующим о сложном характере реализации рассматриваемой фонемы.

Отдельно выделим следующий пример, за которым, по всей видимости, стоит комплекс звуков [ш'т']: *ш^шщи* так в ркп. «шести» dat. sg. 98 об., – и где вряд ли можно предполагать упрощение [ш'т'] → [ш'ш']. Форма дательного падежа *шти*, появившаяся в результате редукции гласного в корне и упрощения группы согласных, зафиксирована в памятниках XVII в., происходящих с различных территорий [3, с. 195].

Хотя число примеров и не велико, но следует отметить, что в рассматриваемых костромских говорах XVII в. сложные реализации глухого шипящего, так или иначе, присутствовали.

Большинство же замен, поскольку смешение букв **ш** и **щ** очевидно, позволяет предполагать именно долгий, а не сложный характер рассматриваемого звука, чьи реализации по длительности могли, вероятно, приближаться к реализациям нормально краткого <ш>.

Написаний, свидетельствующих о мягкости рассматриваемого согласного, в **Костр.** обнаружено не было, но к ним можно отнести случаи смешения **ш** и **щ**, ведь реализации <ш> в костромских говорах

XVII в., как мы выяснили, реликтивно сохраняли мягкость.

Встретились, однако, написания, свидетельствующие о твёрдости рассматриваемого согласного: *нищы^х* gen. pl. 135; *помъщыко^б* ном. sg. 323 об.; *прика^зщык^х* ном. sg. 267 x3, 267 об., 321 x2; *прика^зщыки* instr. pl. 325; *рощы* gen. sg. 322, 324.

Перейдём к звонкому корреляту. В **Костр.** нам встретились лишь примеры, свидетельствующие о его долготе.

Написания с **ж** на месте долгого звонкого шипящего: *дожда^л* 73; *дожда^л* 710 об.; *недожда^я* 639 x2; *порожи^х* gen. pl. 708 об.; *приежа^л* 431, 432; *приежа^л* 596, 655.

Написания с **жж** на месте долгого звонкого шипящего: *дое^жжа^л* 719 об.

Примеров, которые могли бы свидетельствовать о твёрдости либо мягкости рассматриваемого согласного, а также о его сложности, в **Костр.** обнаружено не было, но и в данном случае не следует забывать о наличии мягких реализаций <ж>.

Картина, представленная в ДАРЯ¹ и отражающая ситуацию на территории к северо-востоку от Костромы, является достаточно пёстрой, но основные тенденции здесь таковы: при продвижении на северо-восток заметно увеличивается территория, на которой представлена исключительно реализация [шш], с которой на большей части остальной территории примерно на равных сосуществует реализация [ш'ш'], более характерная для ареалов в районе Углича и Вологды. За этими двумя вариантами следует реализация [шч], представленная небольшими разрозненными ареалами в районе самой Костромы, а также на северо-востоке в районе Солигалича, но всегда сосуществующая с долгими реализациями.

О качестве звонкого коррелята по данным ДАРЯ² можно сказать следующее: преобладает реализация [жж], однако ареалов, на которых она сосуществует с [ж'ж'], здесь на порядок меньше. В районе Солигалича и

¹ Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. 1. Фонетика / под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986. С. 48.

² Там же. С. 52.

Чухломы есть достаточно обширный ареал, на котором с двумя упомянутыми реализациями, сосуществует также и реализация [ждж], однако он разрежен другими незначительными вкраплениями и не представляет собой цельного острова.

По данным коллективной монографии [6, с. 302, 303, 306], характерной особенностью консонантизма говоров костромской группы является произношение именно долгих шипящих фонем. Долгие мягкие реализации ([ж'ж'] и [ш'ш']) более распространены на западе ареала, сложные же реализации ([шт], [шч], [ш'ч'], [ж'д'] и [ждж]) присутствуют лишь в восточных и северных говорах группы, более близких к вологодским.

Таким образом, на основании данных исследованных текстов и современных говоров мы можем заключить, что рассматриваемые глухой и звонкий шипящие согласные в костромских говорах XVII в. были определённно долгими, хотя некоторое число сложных реализаций глухого согласного на интересующей нас территории присутствовать всё же могло. Их доля, судя по отсутствию в рукописи соответствующих примеров, а также по незначительности подобных реализаций на рассматриваемой территории в настоящее время, была, как кажется, крайне мала уже в XVII в.

В **Костр.** имеются лишь примеры, указывающие на твёрдость долгого глухого шипящего согласного. Учитывая меню букв **ш** и **щ** и наше предположение о реликтовой мягкости <ш>, мы можем предположить, что интересующий нас долгий глухой шипящий согласный мог быть остаточно мягким, однако его отверждение в XVII в. уже несомненно началось.

Картина, наблюдаемая в современных говорах, свидетельствует о том, что существенных изменений это звено фонетической системы костромских говоров не претерпело: уменьшилась лишь доля мягких долгих реализаций, в то время как окказиональные реализации, засвидетельствованные в памятниках деловой письменности, на рассматриваемой территории продолжают существовать.

То же самое можно сказать и о долгом звонком шипящем согласном, который, отражаясь в **Костр.** посредством буквы **ж**, мог быть в костромских говорах XVII в. мягким хотя бы реликтивно. В исследованной рукописи отсутствуют какие-либо указания на его твёрдость, а потому мы склонны предположить, что дальнейшее его отверждение и засвидетельствованное в современных костромских говорах опережение им на этом пути глухого коррелята произошло позднее и является, скорее всего, следствием общей закономерности разветвения этих двух согласных.

Долгие (сложные) шипящие в пошехонских говорах начала XVII в.

Обратимся к примерам из **Пош.** Замены **ш** на **щ** многочисленны и здесь: *ву щехо^нскои воло^сти* 316; *гор^дюцка* nom. sg. 10; *грица* nom. sg. 84; *ивацко* nom. sg. 65; *ме^нцое* nom.sg. 88; *ме^нц¹ое* nom. sg. 88 об.; *петрущи^н* nom. sg. 10; *пел^рвуцка* nom. sg. 36; *пустоца^м* dat. pl. 89 об. x2, 90 об.; *пустоца^х* loc. pl. 79 об., 89 об. x4, 90, 92; *пустоцеи* gen.pl. 239; *пустоци* nom. pl. 63 об.; *пустоц^ни* gen. sg. 37; *щец^сть* nom.sg. 139; *щубина* gen. sg. 139 об.; *щумило* 130 об.

Имеются в **Пош.** и обратные замены **щ** на **ш**: *б(о)г^д(а)цко* nom. sg. 15; *боя^рши^нскому* dat. sg. 160 об.; *голеннишева* gen. sg. 46 об., 49 об. x2; *голеннишеву* dat. sg. 50; *зимише* nom. sg. 309; *от^ткаши^к* nom. sg. п. р. 172, 308; *пом^тшико^б* nom. sg. 204 об.; *пом^тшико^б* gen. pl. 47; *росы^лшик^ь* nom. sg. 70 об., 187; *свешеника* gen. sg. 46 об., 50; *свяше^нству* dat.sg. 52 об.; *шеко^лдина²* gen. sg. 187 об. x2; *ш³е^нково* nom. sg. 27.

Смешение букв **ш** и **щ** несомненно и в данном случае. Таким образом, можно предполагать, что в начале XVII в. глухой коррелят и в пошехонских говорах не был сложным и мог по длительности приближаться к реализациям <ш>. Примечательно, что в **Пош.** нам не встретилось ни одного примера, который мож-

¹ Исправлено на **ш**.

² Ср. *щeko^лдина* gen. sg. 188.

³ Исправлено на **щ**.

но было бы трактовать как отражение сложной реализации.

В **Пош.** встретились три написания, которые могли бы свидетельствовать о мягкости рассматриваемого согласного: *городиция* gen. sg. 391; *горо^диция* gen. sg. 390; *живущую* acc. sg. 172.

Имеются также и три примера, свидетельствующие о его твёрдости: *помтыцько*^В nom. sg. 417 об., 418 об. и *помтыцьцы*^Н nom. sg. 299 об. Не следует в данном случае забывать также и о предполагаемом более последовательном отвердении <ш> в пошехонских говорах начала XVII в. и многочисленных менах в паре **ш** – **щ**.

Мы, таким образом, склонны предположить, что глухой шипящий в пошехонских говорах XVII в. был несомненно долгим и уже начинал отвердевать.

Перейдём к звонкому корреляту. В **Пош.** встретились следующие примеры.

Написания с **ж** на месте долгого звонкого шипящего: *выжена* nom. sg. 12; *наъже*^Ю instr. sg. 33 об.; *прежали* так в рукописи «приезжали» 208 об.; *прежа*^Л 207; *приежа*^Л 212, 324; *притьже*^В nom. sg. 12 об.; *притьжи*^М instr. sg. 18 об.

Написания с **жж** на месте долгого звонкого шипящего: *прие^{жж}жа*^Л 38.

В **Пош.** был также обнаружен один пример, свидетельствующий о наличии в пошехонских говорах начала XVII в. сложных реализаций рассматриваемой фонемы и отражающий также и мягкость хотя бы отдельных реализаций данного согласного: *прие^{жж}дял* 141. Примеров же, отражающих его твёрдость, обнаружено не было вовсе, но в данном случае следует иметь в виду уже упоминавшееся отверждение реализаций <ж> в пошехонских говорах.

В окрестностях Пошехонья, по данным ДАРЯ², реализация [ш'ш'] сосуществует с [шш] практически на всей территории, но на севере мягкая реализация исчезает вовсе. Отдельными раздробленными ареала-

ми представлены и сложные реализации (мягкие и твёрдые) рассматриваемой фонемы, однако везде лишь на фоне преобладающих долгих.

О качестве звонкого коррелята в современных пошехонских говорах можно, основываясь на данных ДАРЯ³, сказать следующее: в северной части интересующей нас территории преобладает [жж], в то время как на юге [ж'ж'] всегда сосуществует с твёрдой долгой реализацией. В центре имеются также четыре ареала с различными (твёрдыми и мягкими) сложными реализациями рассматриваемой фонемы, однако представлены они исключительно на фоне долгих, и доля их крайне незначительна.

В коллективной монографии [6, с. 302, 303, 306] о пошехонских говорах как таковых информации нет, территория их распространения трактуется как северо-западная часть костромских говоров, об особенностях консонантизма которых уже было сказано выше.

Примеры, обнаруженные в **Пош.** показывают, что в пошехонских говорах начала XVII в. глухой коррелят был определённо долгим и уже начинал утрачивать мягкость. Сложные реализации глухого коррелята, в настоящее время представленные на интересующей нас территории, в исследованной отказной книге отражения не нашли. Можно предположить, что их доля в основном массиве пошехонских говоров всегда была крайне незначительной.

Звонкий коррелят (как и в случае с краткими шипящими в пошехонских говорах) развивался параллельно с глухим, но, как показывают примеры, мог несколько лучше сохранять окказиональные сложные реализации, которые могли быть также и мягкими.

Дальнейшее развитие глухого и звонкого коррелятов в пошехонских говорах было следующим: усиливались тенденции, нашедшие отражение в исследованной отказной книге (отверждение), но окказиональные (мягкие и сложные) реализации на рассматриваемой территории сохранились и по сей день.

¹ Стандартная описка под влиянием буквы гласного следующего слога.

² Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. 1. Фонетика / под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986. С. 48.

³ Там же. С. 52.

Заключение

Сгруппировав результаты по территориям (Кострома и Пошехонье) и типам фонем (краткие и долгие либо сложные), мы можем прийти к следующим выводам.

– Отверждение кратких шипящих в костромских говорах начала XVII в. было чрезвычайно непоследовательным (либо же только начиналось). Отверждение реализаций фонемы <ш> опережало, по всей видимости, отверждение реализаций <ж>. Остаточная мягкость кратких шипящих в костромских говорах сохраняется и по сей день, но зачастую этому способствует положение перед следующим мягким согласным или гласным переднего ряда.

– В пошехонских говорах начала XVII в. отверждение реализаций <ш> и <ж> было более последовательным и синхронным, чем в костромских, что справедливо и для ситуации в современных говорах на данной территории. И здесь на сохранение мягкости влияет положение перед следующим мягким согласным либо гласным переднего ряда.

– В костромских говорах XVII в. глухой и звонкий шипящие согласные были определённо долгими, но некоторое число сложных реализаций глухого коррелята в них всё же должно было присутствовать, что можно видеть и в современных костромских говорах, неплохо сохранивших их в сосуществовании с долгими. Сложные реализации звонкого коррелята, судя по отсутствию примеров, способных свидетельствовать о них, в **Костр.** и незначительному их числу в современных костромских говорах, вряд ли были широко распространены на данной территории в начале XVII в. Глухой коррелят, так же как и звонкий, сохранял мягкость (хотя бы и реликтивно). Дальнейшее отверждение звон-

кого коррелята и засвидетельствованное в современных костромских говорах опережение им на этом пути глухого произошло, как кажется, позднее. В костромских говорах, таким образом, уменьшилась доля мягких долгих реализаций обоих коррелятов (в особенности звонкого), в то время как окказиональные сложные реализации (в особенности глухого) продолжают существовать на рассматриваемой территории и сейчас.

– В пошехонских говорах начала XVII в. глухой коррелят был определённо долгим и начинал утрачивать мягкость. Сложные реализации, если судить по современной ситуации в пошехонских говорах, должны были сохраняться, однако доля их, как кажется, всегда была крайне незначительной. Звонкий коррелят развивался параллельно с глухим, но несколько лучше сохранял окказиональные сложные и мягкие реализации. Впоследствии в пошехонских говорах лишь усиливались тенденции, нашедшие отражение в исследованной отказной книге (распространение отверждения и исчезновение сложных реализаций), однако отдельные окказиональные реализации на рассматриваемой территории сохранились и по сей день.

– Таким образом, в пошехонской системе, где краткие шипящие отвердевали относительно синхронно, они могли тем самым способствовать синхронности и параллелизму развития долгих (сложных) шипящих. Костромской вариант развития с более ранним отверждением реализаций краткого <ш> привёл, в свою очередь, к расхождению в развитии также и долгих (сложных) шипящих и, как следствие, большей асимметрии рассматриваемой подсистемы.

Статья поступила в редакцию 11.08.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М.: Учпедгиз, 1949. 335 с.
2. Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М.: Московский университет, 2002. 271 с.
3. Галинская Е. А. Склонение количественных числительных в псковском диалекте первой половины XVII в. // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2 (22). С. 187–203.

4. Копосов Л. Ф. Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология). М.: Московский педагогический университет, 2000. 287 с.
5. Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии: фонетика и морфология. М.: Издательство АН СССР, 1963. 234 с.
6. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии) / отв. ред. В. Г. Орлова. М.: Наука, 1970. 476 с.
7. Хабургаев Г. А. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия: (Консонантизм) // Учёные записки Московского областного педагогического института. 1967. Т. 204. Вып. 14. С. 167–183.

REFERENCES

1. Avanesov R. I. *Ocherki russkoi dialektologii. Ch. 1* [Essays on Russian Dialectology. Pt. 1]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1949. 335 p.
2. Galinskaya E. A. *Istoricheskaya fonetika russkikh dialektov v lingvogeograficheskom aspekte* [Historical Phonetics of Russian Dialects in the Linguo-Geographical Aspect]. Moscow, Moscow University Publ., 2002. 271 p.
3. Galinskaya E. A. [Declension of Cardinal Numbers in the Pskov Dialect of the First Half of the 17th Century]. In: *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language in Scientific Coverage], 2011, no. 2 (22), pp. 187–203.
4. Kopusov L. F. *Severnorusskaya delovaya pis'mennost' XVII–XVIII vv. (orfografiya, fonetika, morfologiya)* [North Russian Business Writing of the 17th–18th Centuries (Spelling, Phonetics, Morphology)]. Moscow, Moscow Pedagogical University Publ., 2000. 287 p.
5. Kotkov S. I. *Yuzhnovelikorusskoe narechie v XVII stoletii: fonetika i morfologiya* [South Great Russian Dialect in the 17th Century: Phonetics and Morphology]. Moscow, AS USSR Publ., 1963. 234 p.
6. Orlova V. G., ed. *Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskikh govorov (po materialam lingvisticheskoi geografii)* [Formation of the North Russian Dialect and Central Russian Dialects (Based on Materials of Linguistic Geography)]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 476 p.
7. Khaburgaev G. A. [Notes on the Historical Phonetics of the South Great Russian Dialect: (Consonantism)]. In: *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific Notes of the Moscow Regional Pedagogical Institute], 1967, vol. 204, no. 14, pp. 167–183.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шатин Владимир Юрьевич – преподаватель кафедры русского языка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: vl.shatin@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir Yu. Shatin – Lecturer, Department of the Russian Language, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: vl.shatin@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шатин В. Ю. Подсистема шипящих в костромских и пошехонских говорах начала XVII в. и её дальнейшее развитие // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 93–101.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-93-101

FOR CITATION

Shatin V. Yu. Subsystem of Apical Postalveolar Sibilant Phonemes in Kostroma and Poshekhonye Dialects of The Early 17th Century and Its Further Development. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 3, pp. 93–101.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-93-101